

Новая Польша 3/1999

0: „Пан Тадеуш" Анджея Вайды

1: "Пан Тадеуш", особый взгляд

2: Почему я перевел „Пана Тадеуша"

3: Молодой Мицкевич

4: Нацизм и коммунизм - В равной ли мере преступны?

От редакции

ЧТО СКАЗАЛ АЛЕН БЕЗАНСОН?

Ален Безансон, французский политолог, историк социологии и философии, специалист по истории России и СССР, профессор Высшей школы общественных наук в Париже, считает, что гитлеровский нацизм и коммунизм - в равной мере преступные системы. Обе допустили массовые преступления и геноцид. Обе растлевали миллионы людей. Однако историческая память относится к ним по-разному. Если о преступлениях фашизма все время напоминают, то о преступлениях коммунизма в большинстве стран, вышедших из коммунизма, пожалуй, забывают, а о наказании ответственных за убийства, заключение в тюрьмах, разорение и одурманивание двух или трех поколений - не было и речи. Откуда берется асимметрия в отношении к нацизму и коммунизму? -спрашивает А. Безансон. И приводит семь причин.

Во-первых, нацизм более известен, так как союзники настежь раскрыли "шкаф с трупами", к тому же западные общества на себе испытали зверства, совершенные гитлеровцами. Советский же ГУЛАГ и китайские лагеря „лаогай" - это нечто отдаленное и весьма туманное.

Во-вторых, обязанность напоминать о преступлениях нацизма взял на себя еврейский народ. Человечество должно быть благодарно евреям за то, что геноцид, учиненный фашистами, не был предан забвению, - пишет Безансон.

В-третьих, нацизм и коммунизм были ошибочно помещены на противоположных полюсах магнитного поля - правом и левом. Многие интеллектуалы причислили коммунизм к левым силам, приняв видимость и коварство лозунгов идеологов коммунизма за действительность. Корни же нацизма усматривались в правой идеологии. А между тем, итальянский и германский фашизм корнями уходят в левую демагогию.

В-четвертых, военный союз демократических государств с Советским Союзом во время войны против гитлеровской Германии ослабил защиту Запада от коммунизма и породил своего рода интеллектуальную блокаду. Демократические страны понесли тяжелые жертвы во имя победы над Гитлером. Потом же у них не хватило сил для того, чтобы остановить советский режим, и, наконец, стремясь сохранить равновесие, они помогли ему удержаться.

В-пятых, крупнейшим достижением советских идеологов было то, что они распространили и навязали свою систему классификации политических режимов: социализм противопоставили капитализму, причем социализм отождествлялся ими с советским строем.

В-шестых, слабость групп людей, способных сохранить память о коммунизме. Нацизм господствовал в течение 12 лет, в то время как европейский коммунизм просуществовал 50-70 лет. За это продолжительное время общество было сокрушено, элиты постепенно уничтожены, подвержены перевоспитанию. Господствовали обман, предательство, нравственное растление. Большинство самостоятельно мыслящих людей было лишено возможностей ознакомиться со своей историей и потеряло способность анализа. После распада тоталитарной системы труднее всего возродить нравственные принципы и интеллектуальные способности. Германия была в

более выгодном положении, чем постсоветская Россия: у Гитлера не хватило времени на то, чтобы уничтожить гражданское общество.

В-седьмых, амнезия, с которой мы имеем дело в случае коммунизма, приводит к тому, что чрезмерной остается память о нацизме (и наоборот). А между тем хорошей, честной памяти достаточно, чтобы осудить обе системы.

На наших глазах создается лживая история; было бы плохо, если бы мы именно такую историю передали будущим поколениям, - пишет А. Безансон в заключение своей статьи "Память и забвение" во французском журнале "Коммантер", которую перепечатала "Газета выборча" (по-русски опубликована в „Русской мысли“).

(Составил Е.Р.)

Лешек Колаковский

ОТВЕТ АЛЕНУ БЕЗАНСОНУ

Мой друг Ален Безансон представляет длинный перечень причин, объясняющий поразительную асимметрию в восприятии коммунизма и нацизма, а также расхождения в критериях оценки этих двух игрушек великой Государыни Истории. Несомненно, все эти причины правильно названы, однако мне представляется, что общая картина, начертанная Безансоном, требует еще поправок.

В самом ли деле национал-социализм и международный социализм - это двуйцевые близнецы? Это вполне возможно. Как и в случае любого исторического метаморфоза, мы найдем доказательства и за, и против. С одной стороны, мы имеем дело с тоталитаризмом, исходящим из идеи превосходства расы или нации, осуществляющим вытекающие из этой идеологии принципы и, следовательно, не нуждающимся в каком-то "ложном сознании". С другой - тоталитаризм, исходящий из идеологии, которая проповедует интернационализм, равенство и гуманизм, обращается к таким ценностям, как общность людей, братство народов, всеобщий мир, обещает освобождение от тирании, конец нищеты и безработицы, объявляет приход государства благоденствия и т.п..

Нацизм не нуждался в крупной лжи, он более или менее откровенно говорит, что он такое. Коммунизм был воплощением лжи, был ложью монументальной, чуть ли не возвышенной по своему размаху (Союз Советских Социалистических Республик - четыре слова - учетверенная ложь, как повторял вслед за Борисом Сувариным покойный Корнелиус Касториадис). Разница небольшая? Не думаю. Вся история коммунизма свидетельствует о вескости этого вопроса. Коммунизм многие годы привлекал людей иной породы, чем те, которых заморозил фашизм: он увлекал тех, кто действительно верил в человечество, и представлял себе, что ярмо нищеты и безработицы скоро будет сброшено; милитаризму, национальным и расовым преследованиям, ненависти, войнам - скоро придет конец.

Все эти иллюзии, какими бы фантастическими они ни казались несколько лет спустя, имели свои последствия. Именно благодаря ним в чреве коммунизма могли родиться его противники и критики. Прославленное высказывание Игнацио Силоне о том, что решающий бой разгорится между коммунистами и бывшими коммунистами, было, наверное, сильно преувеличенным. Тем не менее, бывшие коммунисты сыграли в самом деле существенную роль в процессе, который подорвал систему изнутри и вызвал ее окончательное падение. Другое проявление слепоты - западные „попутчики" совершавшие „паломничества" в Советский Союз и до, и после войны и восхвалявшие его. Ничего подобного, пожалуй, не происходило в отношении нацистской Германии. Эти паломники в царство коммунизма способствовали только утверждению лжи (хотя были и исключения: Антон Цилига, Панаит Истрати, некоторые польские писатели), зато многие коммунисты, которые отрешились от лживой веры, могли ее успешно атаковать, ибо раньше сами подверглись ее влиянию. Их голос был услышан и отразился широким эхом именно благодаря их прошлому.

Более того, большевизм в России с самого начала был террористическим режимом, но сперва ему не нужно было скрываться за личиной всеобъемлющей лжи. Его лживость нарастала постепенно, достигнув апогея в период позднего сталинизма. Коммунизм делал первые шаги в атмосфере идеологической подлинности. Называть его культурно бесплодным было бы несправедливо. Коммунизм как культурная формация, оставил до сих пор заметные и весьма важные следы в истории литературы, поэзии, кино, театра, живописи. Разумеется, по мере укреплений твердыни сталинской лжи, число ценных произведений уменьшалось. Некоторое возрождение культуры произошло во время войны и сразу после нее, но его источник и вдохновение были скорее патриотическими, чем коммунистическими. Тогда-то и вышло в свет несколько ценных произведений. Можно ли то же самое сказать об истории культуры нацизма? Я полагаю, нельзя. В культуре нацизм принес только опустошение и вандализм.

Ответ узника

Исходя из такого диагноза, можно спросить: разве умирающий в Воркуте зэк должен был чувствовать себя довольным и счастливым, из-за того, что он избежал такой же участи в Дахау? Это мой демагогический вопрос, и не следует приписывать его Безансону. Отвечаю: нет. Следует, однако, добавить, что в то время, когда коммунистическая вера была еще жива, степень идейной преданности и дух самопожертвования ее приверженцев были поразительными. Многие коммунисты в ГУЛАГе отказывались отречься от своей веры, а многие из тех, кому удалось пережить лагерные ужасы и вернуться (например, в Польшу), с энтузиазмом участвовали в сталинской политике. Разумеется, это свидетельствует всего лишь о силе фанатизма, а не о нравственном превосходстве коммунизма. Интересно, однако, проанализировать условия, которые могли привести к подобной степени ослепления.

По производству трупов достижения Сталина намного выше, чем Гитлера. Трудно, однако, сравнивать их по количеству, учитывая, что нацистское государство просуществовало только 12 лет и в это время шла страшная война, а коммунизм овладел многими странами, в том числе страной с самым большим населением в мире, где с трудом замечается убыток 50 миллионов людей. Между тем, это не единственный и даже не самый важный критерий при исторических сопоставлениях, хотя - как я полагаю - это мнение не разделяли те, кто стоял под виселицей.

Вескость различий

Я не хотел бы повторять нелепость, провозглашенную Троцким, который считал, что большевизм и нацизм похожи друг на друга только по нескольким "поверхностным" признакам, как, например, отмена выборов, но у них явно различная сущность, разная классовая натура и т.д. Напротив, обе системы были похожи друг на друга по многим и притом весьма существенным признакам. Внушать, что различия незначительны, - это недопустимый догматизм. Факт, что из рядов сторонников коммунизма вели свою родословную многие его позднейшие критики и противники, обращавшиеся (хотя бы на некоторое время) к тем же идеологическим стереотипам, гротескно противоречившим действительности, освободиться от которых система не могла, все же доказывает, что генеалогические различия имели существенное значение. Коммунизм был выродившимся отростком Просвещения, нацизм же был уродливым ублюдком романтизма. Родословную тоталитаризма можно проследить так далеко, как хочется: Платон, Блаженный Августин, Гоббс, Гегель, Фихте, Гельвеций, Копт. Правда, нацизм родился отчасти как реакция на большевизм, но это не вносит ничего нового в спор о сущности того или другого. Успехи коммунизма в Европе частично можно объяснить реакцией на ужасы Первой мировой войны, но какие выводы можно сделать из этого неоспоримого факта?

Общее понятие "коммунизм" вполне правомочно, вопреки многим его разновидностям и конфликтам, родившимся среди коммунистов, точно так же, как правомочно понятие "млекопитающие". Однако вкупе с сильными эмоциями (вполне понятными), которые испытывают антикоммунисты, это понятие может привести нас к суждению, что реальное положение коммунистических стран следует рассматривать, исходя из неизменной натуры тоталитаризма, а не на основе эмпирического анализа. Из этого может следовать, что различия между режимом Пол Пота в Камбодже и положением в Польше или Венгрии во второй половине 80-х годов лишь мелки и незначительны: тут - коммунизм и там - коммунизм. Подобное утверждение, своей мудростью превышающее даже упомянутое замечание Троцкого, - это не только издевательство над действительностью. Оно вдобавок оскорбляет людей, которые жили в этих странах (это утверждение я не приписываю Безансону). А если мы еще добавим, что различия между нацизмом и коммунизмом несущественны, то отсюда следует, что Польша при гитлеровской оккупации и Польша при „народной демократии” - это одно и то же, если опустить мелкие детали. Попробуйте убедить в этом того, кто жил в той и другой Польше!

Различия в рамках коммунизма

В странах "народной демократии" в период сталинизма, то есть в первые послевоенные годы, совершались убийства как по судебным приговорам суда, так и без суда (позднее тоже, но время от времени). Были пытки, устрашение, показательные процессы партийных руководителей (за исключением Польши и ГДР, где подобные процессы готовились, но после смерти Сталина следствие было прекращено). Были репрессии по отношению к крестьянам, чтобы принудить их к коллективизации, а также по отношению к мелким коммерсантам и ремесленникам. Однако по сравнению со страданиями советского народа это умеренные безобразия, не заслуживающие названия геноцида (как огромные чистки 30-х годов, переселение целых народов во время войны или широкая система лагерей). Повсюду за довольно короткое время наступил прогресс в области градостроительства, индустриализации, а также образования: университеты и другие вузы идеологически "перестроились", но, к счастью, это не было необратимо, в чем можно было убедиться, когда в коммунистических странах улучшилось положение. Стало быть, прогресс был значительным, хотя он не был

особой заслугой коммунизма. Он шел во всей Европе, притом в некоммунистических странах значительно быстрее. И все же он шел (и это следует подчеркнуть) также и в коммунистических странах, что дает еще один повод признать абсурдным мнение, будто бы у гитлеровской оккупации и "народной демократии" - одна и та же природа.

Правда, жестокости коммунистической диктатуры долгое время недооценивались, умышленно замалчивались или просто не были известны на Западе. Ален Безансон метко оценил причины этого незнания и молчания. Неверно, однако, что после 1989 года польская оппозиция, во главе с примасом католической Церкви, рекомендовала забыть и простить. Простить иногда можно, забывать - нельзя, и мне кажется, что Ален Безансон не мог бы найти цитаты, подтверждающие его тезисы.

Когда я смотрю на полки в моей библиотеке, у меня нет впечатления, что подлинная история и анализ коммунизма были оставлены без внимания или забыты: я вижу произведения Конквиста, Пайпса, Геллера, Некрича, Солженицына, Волкогонова, Улама, Малии и еще десятков американских, российских, польских авторов, в том числе и некого Алена Безансона. В Польше историческая литература и мемуары об эпохе коммунизма огромны и все время увеличиваются. Открытие советских архивов и в самом деле оказалось плодотворным (говорят, что их опять закрывают, но поговаривают также, что ключ к этому кладу - доллар. Ах, этот вездесущий капитализм!).

Эволюция коммунизма

У коммунистической системы, разумеется, не было механизма, благодаря которому она могла бы преобразоваться в правовое государство. Тем не менее, нелепо утверждать, что она все время была неподвижным и неизменным блоком, где не могли проходить никакие социальные процессы, не зависящие от Политбюро. Общество подвергалось глубоким преобразованиям, а аппарат тирании часто был вынужден подчиняться воздействию независимой от него силы. Прославленный доклад Хрущева, разумеется, не был голосом обратившегося в демократы - скорее воплем раба, разорвавшего цепи. Но прежде всего это был пакт безопасности партийного аппарата, позаботившегося о том, чтобы никому впредь не дать возможности захватить столь деспотическую власть, какая была у Сталина. Именно из-за этого уровня деспотизма столь неуверенными в завтрашнем дне были секретари ЦК и маршалы, не говоря уже обо всех остальных. Этот вынужденный обстоятельствами доклад в самом деле изменило положение в стране (помню, в 1956 году французские коммунисты не хотели верить, что он был действительно сделан, а между тем мы читали его текст в подлиннике).

Во всех коммунистических странах после смерти Сталина продолжала существовать воля к сохранению системы, но под воздействием экономических катастроф, а иногда даже под нажимом общественности, тоталитарные черты системы слабели, несмотря на периоды застоя и рецидивов. Идеология вскоре потеряла всю свою жизнеспособность и никто больше ее всерьез не воспринимал. Нелепо утверждать, что целью реформ Горбачева было обмануть Запад и что они ничего в СССР не меняли.

Никто не сомневается, что он не хотел уничтожить коммунизм. Он хотел сделать коммунизм более действенным и понимал, что это требовало свободного обмена информацией. В результате, как и многие другие реформаторы, он уничтожил то, что предполагал усовершенствовать. Я бывал в Москве в эпоху Горбачева и видел, что там появилась свобода слова, появились независимые газеты и агентства печати. Люди высказывались без стеснения, без страха, и говорили обо всем. Кто посмеет утверждать, что свобода слова, разрушившая коммунизм - это незначительная деталь? Коммунизм со свободой слова выжить не может, хотя я знаю одного теоретика, который тогда признал, что, по его теории, ни Горбачева, ни Валенсы быть не может.

Удивительны и неожиданны успехи на выборах так называемых посткоммунистических партий в большинстве стран, покинувших "империю зла" (равно как удивляет в разных странах сопротивление крестьян ликвидации колхозов). О причинах этих странных шагов назад написано много. Они непонятны, если исходить из теории, которая предполагает, что коммунизм - это единый блок, состоящий из неподвижных монолитов.